

От бюрократии к алгократии: диалектика GovTech в конституционно-правовом измерении

Романовская О. В.

Пензенский государственный университет, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований (Пенза, Российская Федерация); Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) в г. Саранске (Саранск, Российская Федерация)

E-mail: vlad93@sura.ru

Аннотация

Введение: в статье исследуется последовательный переход от классической веберовской модели бюрократии (основанной на базовых признаках классического государства) к алгократии в условиях цифровой трансформации государственного управления и оценки концепции GovTech в современном мире.

Методология: в работе активно используется сравнительно-правовой метод исследования, благодаря которому выделяются подходы цифровой трансформации публичной власти в США, Германии, Узбекистане, Франции, Сингапуре. Одновременно применен метод формально-юридического толкования, благодаря которому дана оценка платформизации (система «ГосТех») государственного управления в Российской Федерации.

Результаты исследования: в статье выделены этапы цифровизации государственного управления. Первый этап связан с техническим наполнением (инструментальной компьютеризацией и автоматизацией) органов государственной власти оргтехникой, включая компьютеры, множительные аппараты и принтеры. Второй этап определяется наличием качественного сдвига и появлением специального понятия, отличающегося оригинальностью, — электронное правительство. Третий этап — реализация принципа GovTech, под которым понимается новая парадигма (целостная экосистема) осуществления публичной власти, основанная на сквозной интеграции цифровых платформ, больших данных и алгоритмических систем (включая искусственный интеллект) в саму суть государственного управления.

Выводы: обозначены системные конституционно-правовые риски: 1) скрытая деинституционализация государства; 2) появление конкурента в области управления общественными отношениями в лице транснациональных IT-корпораций (Big Tech); 3) радикальное «вымывание» человека из пространства публично-правовых отношений, обуславливающее кризис антропоцентризма. Представлен путь минимизации — парадигма кооперации, воплощением чего становится проект «Общества 5.0», элементом которого выступает принцип «человек в контуре».

Ключевые слова: цифровое государство, GovTech, алгократия, цифровая трансформация, государственное управление, дезинтермедияция публичной власти, человекоцентричность.

Для цитирования: Романовская О. В. От бюрократии к алгократии: диалектика GovTech в конституционно-правовом измерении // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 3 (29). С. 83–97. EDN: UBNNXU

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00322, <https://rscf.ru/project/25-28-00322/>.

From Bureaucracy to Algocracy: The GovTech Dialectic in the Constitutional and Legal Dimension

Olga V. Romanovskaya

Penza State University, Research Institute of Fundamental and Applied Research; The All-Russian State University of Justice (The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Mid-Volga Institute (Branch) in Saransk (Saransk, Russian Federation)
E-mail: vlad93@sura.ru

Abstract:

Introduction: This article examines the gradual transition from the classical Weberian model of bureaucracy (based on the basic characteristics of the classical state) to algocracy in the context of the digital transformation of public administration and evaluates the concept of GovTech in the modern world.

Methodology: This paper makes extensive use of a comparative legal research method, highlighting approaches to the digital transformation of public administration in the United States, Germany, Uzbekistan, France, and Singapore. A formal legal interpretation method is also applied to assess the platformization (the “GosTech” system) of public administration in the Russian Federation.

Research Results: This article identifies the stages of digitalization of public administration. The first stage is associated with the technical provision (instrumental computerization and automation) of government agencies with office equipment, including computers, copying machines, and printers. The second stage is defined by a qualitative shift and the emergence of a special, distinctive concept: e-government. The third stage is the implementation of the GovTech principle, which refers to a new paradigm (an integrated ecosystem) for the exercise of public authority based on the end-to-end integration of digital platforms, big data, and algorithmic systems (including artificial intelligence) into the very essence of public administration.

Conclusions: Systemic constitutional and legal risks are identified: 1) the hidden deinstitutionalization of the state; 2) the emergence of a competitor in the field of public relations management in the form of transnational IT corporations (Big Tech); 3) the radical erosion of the human element from the space of public legal relations, leading to a crisis of anthropocentrism. A path of minimization is presented – a paradigm of co-operation, embodied in the “Society 5.0” project, an element of which is the “human-in-the-loop” principle.

Keywords: digital state, GovTech, algocracy, digital transformation, public administration, disintermediation of public authority, human-centredness.

For citation: Romanovskaya, O. V. (2026) From Bureaucracy to Algocracy: The GovTech Dialectic in the Constitutional and Legal Dimension. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (29). Pp. 83–97. (In Russ.).

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00322, <https://rscf.ru/project/25-28-00322/>.

Введение

Классическая модель государственного управления (как это сейчас принято указывать, в доцифровую эпоху) строится на единстве статусных элементов субъекта публичной власти. Он обладатель полномочий, носитель бремени ответственности за выполнение государственных задач, аккумулятор финансовых, материальных и организационных ресурсов. Привлечение внешнего элемента присутствовало,

но это не имело принципиального значения для оценки роли государства и его органов в регламентации общественных отношений. Инструменты также были второстепенны. Не могло быть и речи о том, что поставщик бумаги для нужд канцелярии приобретает какие-то функциональные признаки носителя властных полномочий. Его влияние на осуществление государственных задач ограничивалось качеством продукции и своевременностью доставки.

Каркас такой модели — веберовское понимание бюрократии, которое не стоит рассматривать в негативном ключе. М. Вебер в своих трудах представлял формализм и беспристрастное следование процедуре как гарантии от произвола и стихии беспорядка. Обобщая классические труды организации общества, И. А. Исаев представляет соответствующее заключение: «Бюрократия предлагает организацию и порядок, которые обеспечивают стабильность и однообразие, закрепленные нормативной системой. Индивид должен быть счастлив, что его вывели из “естественного состояния” аморфной массы, дали принципиальные ориентиры, “исчислили” дальнейший путь его существования»¹.

Рационализм — ключевой признак, который проявляется не только в организации управленческой деятельности, но и во всех иных сферах, проникая в основы основ юридической регламентации общественной жизни. Презумпция невиновности, принцип равенства, институт неприкосновенности — наиболее показательные примеры в системе прав человека; строго определенные каналы формирования политической воли и политические партии как их инструмент, избирательный процесс и провозглашение народовластия — признаки политической системы; частная собственность, свобода предпринимательства и защита конкуренции — элементы экономической системы. М. Вебер специально подчеркивал, что торжество обезличенного рационализма вне человеческого духа превращается для человека в «железный панцирь» (*Stahlhartes Gehäuse*)².

В условиях развития цифровых технологий новый тренд в определении публичной власти связан с термином «алгократия». Появление цифровых платформ и их использование в государственном управлении привели к появлению концепта GovTech, который последовательно «размывает» классическую веберовскую модель государства: функции регулятора постепенно передаются платформам, действующим на основе алгоритмов. Каким будет государство будущего — вопрос, который формулируется во многих научных работах. В статье обозначены основные исследовательские задачи: осмысление перехода от классической бюрократии к алгократии и конституционно-правовая оценка современных GovTech-инструментов.

Методология

В работе активно используется сравнительно-правовой метод исследования, благодаря которому выделяются подходы цифровой трансформации публичной власти в США, Германии, Узбекистане, Франции, Сингапуре. Одновременно применен метод формально-юридического толкования, благодаря которому дана оценка платформизации (система «ГосТех») государственного управления в Российской Федерации.

Результаты исследования

Современное общество переживает этап цивилизационной трансформации (происходит смена эпох), знаменующий переход к тотальной цифровизации всех сфер жизнедеятельности. Оставляя за рамками данного исследования очевидные социально-экономические сдвиги, обозначим качественный переход в самой онтологии правоприменения. Развитие технологий эволюционировало от утилитарного использования компьютерной оргтехники (технической автоматизации рутинных процессов) к принципиально новому явлению — фактическому дроблению суверенных государственно-властных полномочий в пользу нейросетевых алгоритмов и математических моделей. Если еще на рубеже XX–XXI вв.

¹ Исаев И. А. Легальность и бюрократия // История государства и права. 2014. № 20. С. 3.

² Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. 4-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 206.

«верхней планкой» считалась компьютеризация органов власти³, то сейчас фокус дискуссий сменился в сторону замены государственных служащих на цифровых помощников⁴.

Символом преобразования стал термин GovTech (от англ. Government Technology), который, зародившись на стыке менеджмента и цифровой экономики (дословный перевод «государственные технологии» подразумевал совокупность цифровой инфраструктуры для государственного сектора), перешел в юридический словарь с совершенно иным смыслом, показывая иное качество всего процесса осуществления государственного администрирования. Government Technology перестали быть технологиями для государства, они теперь автономные технологии управления обществом, где государство — оператор, но не единственный, допущенный к их эксплуатации. Налицо тенденция к размыванию (фронтолизу⁵) классической государственной монополии на управление, которая зародилась в недрах либертарианского учения, но касалась инструментальной децентрализации⁶ и минимализма государства⁷. Тенденция получила мощную подпитку в виде технологического прогресса, максимализировавшего идею распределенного управления и выявившего принципиально новые вызовы перед теорией конституционализма. Таким образом, GovTech — это целостная концепция (новая парадигма, экосистема, как указывается во многих стратегических документах⁸) осуществления публичной власти, основанная на сквозной интеграции цифровых платформ, больших данных и алгоритмических систем (включая искусственный интеллект) в самую суть государственного управления. При этом зачастую цитируется классическое определение, представленное специалистами Всемирного банка: «GovTech — это общегосударственный подход к модернизации государственного сектора, который способствует простому, доступному и эффективному управлению с гражданами в центре реформ»⁹. Технологический аспект понятия не отражает общественно-научное значение последствий его внедрения.

Обратим внимание, что острота проблематики не высвечивалась в самом начале процесса цифровизации государственного управления, в котором сейчас можно выделить три этапа.

На первом этапе происходило техническое наполнение (инструментальная компьютеризация и автоматизация) органов государственной власти оргтехникой, включая компьютеры, множительные аппараты и принтеры. Юридическое обеспечение строилось на указе Президента РФ от 28.06.1993 № 966, утвердившем Концепцию правовой информатизации России. В соответствии с распоряжением Президента РФ от 24.09.1992 № 536-рп был создан «центральный узел системы правовой информации», функции которого были возложены на научно-технический центр правовой информации «Система». Был принят также указ Президента РФ от 04.08.1995 № 808 «О президентских программах правовой информатизации». Наглядной иллюстрацией может служить подготовленное Советом судей РФ постановление V Всероссийского съезда судей от 29.11.2000 «О ходе судебной реформы в Российской Федерации и перспективах развития судебной системы», в котором «компьютеризация и информационное обеспечение» рассматривались как многолетний стратегический приоритет. Следствием приведенной политики стал Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», ставший отчасти точкой отсчета для информационного права в России, а также впервые закрепивший понятие «персональные данные»¹⁰. В этот период технологии рассматривались как внеш-

³ Применительно к судебным органам России специальную программу компьютеризации реализовывал Всемирный банк. См.: Компьютеризации судов Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/rector/biografiya/kompyuterizacii-sudov-peterburga> (дата обращения: 08.07.2026).

⁴ Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М. С. Шклярчук. М.: РАНХиГС, 2019. 111 с.

⁵ Романовская О. В. Конституция России и фронтолиз государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 22–25.

⁶ Nock A. J. *Memoirs of a Superfluous Man*. New York, 1943. 326 p.; Rothbard Murray N. *For a New Liberty: The Libertarian Manifesto*. 2006. 398 p.

⁷ Нозик Р. *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с.

⁸ Digital Government Outlook 2026. From Foundations to Transformational Impact. Report. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/digital-government-outlook_0496b2bc-en.html (дата обращения: 08.07.2026).

⁹ Dener C., Nii-Aponsah H., Ghunney L. E., Johns K. D. GovTech Maturity Index : The State of Public Sector Digital Transformation (English). International Development in Focus Washington, D. C.: World Bank Group, 2021. [Электронное издание]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/298661631773566870/GovTech-Maturity-Index-The-State-of-Public-Sector-Digital-Transformation> (дата обращения: 08.07.2026).

¹⁰ Лопатин В. Н. Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 85–98.

ний инструмент, упрощающий делопроизводство, никак не влияя на сущность государственного властвования и не затрагивая его субъектный состав и границы реализации¹¹.

Второй этап (2000-е — середина 2010-х гг.) уже определяется качественным сдвигом и появлением специального понятия, отличающегося оригинальностью, — «электронное правительство» (соответствующее международному термину E-Government), которое стало тиражироваться во многих правовых актах (и тем более в научной литературе). Период наполнения техническим инструментами и внутриведомственной автоматизации быстро закончился, и технологии уже создавали повод для построения прогнозов об изменении многих аспектов взаимодействия. Постановлением Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 была утверждена федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», распоряжением Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р — Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г. Все указанные документы сопровождались общим трендом административной реформы, сделавшей глобальный разворот государственного аппарата. Впервые стали указывать на такие базовые характеристики, как сервисность, эффективность, минимализм, оперативность. Была поставлена главная цель — изжить бюрократические издержки модели советского типа, которые накопились к середине 80-х гг. прошлого столетия и привели к глобальным переменам: величие номенклатуры, приоритет партийного усмотрения и ведомственной целесообразности, жесткая вертикаль, командный стиль без учета местных интересов, пренебрежение правами человека. Прямая связь административной реформы, обозначенной Концепцией административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 25.10.2005 № 1789-р), неоднократно подчеркивалась в научной литературе¹².

Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволило создавать онлайн-сервисы, а значит, переводить взаимодействие органов власти и граждан (а также юридических лиц) в виртуальное пространство. Результатом преобразований стал Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», который на тот момент действительно стал определенной революцией. Этому предшествовало распоряжение Правительства РФ от 17.10.2009 № 1555-р, утвердившее План перехода на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде федеральными органами исполнительной власти. Появление в юридической терминологии государственных и муниципальных услуг (обобщаемых в научной литературе понятием «публичные услуги») вызвало жесткую критику (от поиска коррупциогенности¹³ до сокращения объема суверенной власти¹⁴ и угрозе традиционным ценностям¹⁵), строившуюся с учетом отказа от функциональных характеристик органа государственной власти и включения сервисности в его обновленную сущность. И. Л. Бачило, проработавшая концепцию государственных функций и информатизации носителей публичной власти еще задолго до проводимых преобразований, обозначила методологическое значение сервисного государства, одновременно указав на ущербность отказа от категории «государственная функция»¹⁶.

Постоянное употребление соответствующей терминологии («электронное правительство», «электронное государство») как в научной среде, так и в правовых актах не привело к их законодательному закреплению, в отличие от некоторой зарубежной регламентационной практики, но имеющей свою спе-

¹¹ Бачило И. Л., Копылов В. А., Брусницын Н. А., Курило А. П. О концепции правового обеспечения информатизации России / Законодательные проблемы информатизации общества. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1992. С. 4–18.

¹² См.: Кузнецов П. У. Административная реформа в контексте формирования электронного правительства: терминологические проблемы // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 37–47; Шевердяев С. Н. Правовое сопровождение развития электронного правительства в России: новые идеалы и старые проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 11. С. 30–36.

¹³ Авакьян С. А. Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией // Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / С. А. Авакьян, И. П. Кененова, А. С. Ковлер и др.; отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016. С. 12–75.

¹⁴ Кресс В. И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 59–70.

¹⁵ Таболин В. В. Междисциплинарная система общественных отношений как предмет современного городского права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 63–66.

¹⁶ Бачило И. Л. Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 3–11.

цифику. В этом аспекте чаще всего делаются отсылки к опыту США, Германии, Австрии, Узбекистана, Франции.

Закон США от 17.12.2002 об электронном правительстве (в оригинале закон имеет пространное название, но в сокращенном виде он цитируется как E-Government Act of 2002¹⁷) определяет электронное правительство как «использование правительством веб-приложений Интернета и других информационных технологий в сочетании с процессами, реализующими эти технологии...», а далее указывается целевое предназначение: «...для (А) повышения доступности и улучшения доставки государственной информации и услуг для общественности, других агентств и государственных структур; или (В) достижения улучшений в работе правительства, которые могут включать повышение эффективности, результативности, качества обслуживания или трансформации процессов».

В Германии есть закон от 25.07.2013 о содействии электронному управлению (Закон об электронном правительстве, EgovG)¹⁸. Но здесь можно наблюдать использование термина только в дублирующем наименовании, что не подкрепляется соответствующей дефиницией в тексте закона. Таким же путем следует Австрия, где действует (принят в 2004 г.) Федеральный закон о мерах по облегчению электронного взаимодействия с государственными органами, у которого есть сокращенное название, как у немецкого E-GovG (в Австрии его также цитируют по ссылке на официальное опубликование как BGBl I 2004/10¹⁹).

В Республике Узбекистан принят закон от 09.12.2015 № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве»²⁰, где в статье 3 закрепляется: «Электронное правительство — это система организационно-правовых мер и технических средств, направленная на обеспечение деятельности государственных органов по оказанию государственных услуг физическим и юридическим лицам путем применения информационно-коммуникационных технологий, а также межведомственного электронного взаимодействия». Узбекистан уверенно продвигается в цифровизации государственного управления, заметно улучшая свои позиции в международных рейтингах (в частности, в рейтинге ООН за 2024 г. E-Government Development Index он занимал 63-е место). В Отчете Всемирного банка 2025 г. (индекс зрелости GovTech)²¹ Узбекистан вошел в десятку лидеров, заняв 9-е место среди всех стран мира и 1-е место среди стран Центральной Азии (для сравнения: в Отчете 2020 г. занимал 80-е место среди всех стран мира). Понятно, что не понятие «электронное правительство» обеспечило столь стремительный рост развития цифровых технологий в системе государственного управления, но оно создало дополнительные условия для построения приоритетов и достижения такого лидерского результата.

Во Франции базовым для правового режима цифровых технологий считается Закон от 07.10.2016 № 2016-1321 о цифровой республике²², определяющий значимые изменения в целом пласте нормативных актов по трем ключевым направлениям: оборот данных и знаний, защита прав в цифровом обществе и доступ к цифровым технологиям²³. Следует отметить, что закон стал юридическим продолжением общего доктринального подхода о цифровом суверенитете. Более того, сама идея (распространившаяся уже потом во всем мире) была сформирована именно во Франции. Считается, что термин «цифровой

¹⁷ An act to enhance the management and promotion of electronic Government services and processes by establishing a Federal Chief Information Officer within the Office of Management and Budget, and by establishing a broad framework of measures that require using Internet-based information technology to enhance citizen access to Government information and services, and for other purposes. [Электронное издание]. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-107publ347> (дата обращения: 08.07.2026).

¹⁸ Gesetz zur Förderung der elektronischen Verwaltung (E-Government-Gesetz — EGovG). [Электронное издание]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/egovg/> (дата обращения: 08.07.2026).

¹⁹ Bundesgesetz über Regelungen zur Erleichterung des elektronischen Verkehrs mit öffentlichen Stellen (E-Government-Gesetz — E-GovG). [Электронное издание]. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/ErV/ERV_2004_1_10/ERV_2004_1_10.pdf (дата обращения: 08.07.2026).

²⁰ Закон Республики Узбекистан от 09.12.2015 № ЗРУ-395 «Об электронном правительстве». [Электронное издание]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/2833855> (дата обращения: 08.07.2026).

²¹ Govtech Maturity Index 2025. Tracking Public Sector. Digital Transformation Worldwide. [Электронное издание]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099121725193511608/pdf/P502259-9dd7f000-6bd6-4b94-acc7-11d827eebf9d.pdf> (дата обращения: 08.07.2026).

²² Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. [Электронное издание]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 08.07.2026).

²³ Талалина Э. В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 164–184.

суверенитет» ввел исследователь Пьер Белланжер²⁴, отстаивающий позицию о необходимости противостоять цифровому неокOLONIALИЗМУ, основным бенефициаром которого выступают Соединенные Штаты Америки (проводниками такой политики выступают гиганты технологической индустрии, BigTech)²⁵. Данный подход активно поддерживается во Франции, что отражается не только в научных публикациях²⁶, но и в формирующейся административной и судебной практике, которая нацелена на ограничения монопольного положения ряда цифровых платформ. Так, в марте 2025 г. французский антимонопольный регулятор (Autorité de la Concurrence) наложил на Apple штраф в размере 150 млн евро за злоупотребление доминирующим положением при внедрении системы App Tracking Transparency. Она обязывает сторонних разработчиков приложений запрашивать у пользователей явное согласие на отслеживание данных для таргетинга рекламы, создав для собственных сервисов привилегированное положение²⁷. Еще больший интерес вызывает решение антимонопольного органа Франции, обязавшее Google добросовестно подойти к переговорам с издателями — агрегаторами новостных каналов. Дело касалось платы за показ превью новостей в поисковой выдаче, которое потом расширилось до оценки обучения нейросетей Google на материалах средств массовой информации без учета авторских прав²⁸. Однако в каждом таком деле представлен вывод о связи цифрового суверенитета с технологическим суверенитетом (о чем свидетельствует анализ французского научного сегмента). Осуществление общественно-политического контроля за киберпространством малоэффективно без создания соответствующей инфраструктуры, которая заключается не столько в установке различных систем цифрового надзора (это имеет второстепенное значение), сколько в разработке собственных программ, создании облачных систем, постройке дата-центров, действующих на базе национального оборудования. Нечто подобное демонстрирует китайская модель цифрового суверенитета, основанная на продвижении технологической независимости и принятии правовых норм, создающих приоритетные условия для национальной инфраструктуры²⁹. Во Франции в этой части подчеркивается связь цифрового суверенитета и цифровой экономики, в основе которой находятся данные (а точнее большие данные, Big Data)³⁰, что находит поддержку среди ученых Китая³¹ и Глобального Юга (политико-экономическое название стран с формирующимися рынками)³². Цифровой суверенитет страны — это возможность контролировать данные собственных граждан³³.

В Европе набирает популярность применение концепции единого европейского цифрового суверенитета к инфраструктурным компонентам киберпространства, включая подводные кабели и трансграничные потоки данных³⁴. Идея выступает доктринальным ответом Евросоюза на технологическое доминирование США и Китая; цифровые технологии обозначены как решающий фактор политической влас-

²⁴ Bellanger P. Internet: de L'Aquarium à L'Océan // Les cahiers de l'audiovisuel. 1997. No. 12. P. 88–101; Bellanger P. De la souveraineté numérique // Le Débat. 2012. Vol. 170. No. 3. P. 149–159.

²⁵ Bellanger P. Souveraineté numérique et ordre public // Archives de philosophie du droit. 2015. Vol. 58. No. 1. P. 285–296.

²⁶ См.: Bômort C. La «souveraineté numérique», pilier et défi pour la construction du cloud défense français // Revue Défense Nationale 2025. No. 878. P. 81–87; Türk P., Vassar Ch. (dir.) La souveraineté numérique. Le concept, les enjeux. Paris: Maré & Martin, 2018. 239 p.; Loveluck B. Souveraineté numérique et concurrence des régimes politiques : origines et perspectives // Constitutionnalisme numérique et approches critiques en droit et technologie. 2025. No. 47. [Электронное издание]. URL: <https://revuedlf.com/droit-international/souverainete-numerique-et-concurrence-des-regimes-politiques-origines-et-perspectives/> (дата обращения: 08.07.2026).

²⁷ France's antitrust watchdog fines Apple for problems with App Tracking Transparency. [Электронное издание]. URL: <https://apnews.com/article/france-apple-antitrust-fine-d993553dc64b56b69f5266cf1fe79d95> (дата обращения: 08.07.2026).

²⁸ The battle between Autorité de la Concurrence and Google to make press publisher's right a reality in France. [Электронное издание]. URL: <https://www.maastrichtuniversity.nl/blog/2022/06/battle-between-autorit%C3%A9-de-la-concurrence-and-google-make-press-publisher%E2%80%99s-right> (дата обращения: 08.07.2026).

²⁹ Гао Цици. Построение национального суверенитета в условиях цифровой революции (高奇琦. 数字革命中国家主权的建构). [Электронное издание]. URL: https://theory.gmw.cn/2021-12/26/content_35406869.htm (дата обращения: 08.07.2026).

³⁰ Big Data: économie et régulation. Enjeux numériques. Annales des Mines. Série trimestrielle. 2018. No. 2.

³¹ Чжао Фэн, Хэ Лилун. Регулирование и руководство здоровым развитием капитала на интернет-платформах (赵峰, 贺立龙. 规范和引导互联网平台资本健康发展). [Электронное издание]. URL: http://www.china.com.cn/opinion/theory/2022-05/10/content_78209307.htm (дата обращения: 08.07.2026).

³² Liu Y., Song W. Navigating digital colonialism: Sovereignty models and development paths in the Global South // Social Sciences & Humanities Open. 2026. Vol. 13. 102546.

³³ Benhamou B. Souveraineté Numérique. Quelles stratégies pour la France et l'Europe ? // Comprendre la souveraineté numérique. 2020. No. 415. [Электронное издание]. URL: <http://www.souverainetenumérique.fr/article-souverainet%C3%A9-num%C3%A9rique-quelles-strat%C3%A9gies-pour-la-france-et-leurope> (дата обращения: 08.07.2026).

³⁴ Pierucci F. Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // Digital Society. 2025. Vol. 4. Art. 27.

ти³⁵. Цифры указывают на тотальную зависимость: 90 % данных управляется иностранными компаниями, а менее 4 % ведущих мировых онлайн-платформ являются европейскими³⁶. В то же время есть понимание, что риторика сильно отличается от реальности³⁷. Многие страны ЕС не придерживаются единства в трактовке европейского цифрового суверенитета применительно к внутренним национальным правилам, но есть общее видение оборонно-промышленной стратегии, влияющей на принятие масштабных проектов по созданию собственной IT-инфраструктуры. В июне 2026 г. это выразилось в стремительной разработке Акта о чипах 2.0 и Акта о развитии облачных технологий и искусственного интеллекта³⁸.

Сравнительно-правовое исследование показывает, что проблема правовой неопределенности с термином «электронное правительство» не влияет на фактическое состояние цифровизации государственного управления (уж точно не является панацеей), но создает дополнительный стимул для реформационного процесса. Комплексная дефиниция может выступать системообразующим правовым каркасом (если брать пример с Республики Узбекистан), выстраивая последовательность приоритетов при построении архитектуры цифрового государства. Обратим внимание на значимый момент: первичная концепция электронного правительства носила преимущественно управленческий, настроечный (ориентированный преимущественно на внутренние нужды самой системы) характер. Сейчас определение цифровизации государственного аппарата рассматривается в плоскости геополитического противостояния. Во многих публикациях цифровые технологии оцениваются как оружие двойного назначения в мировой конкурентной гонке, но уже не между торговыми компаниями, а между государствами в сфере информационного доминирования.

Зарубежный опыт также иллюстрирует третий этап (с конца 2010-х гг. по настоящее время) цифровизации государственного управления, который связан с переходом к его платформизации, символом чего становится GovTech, а следствием — алгократия. Происходит последовательная смена управленческой парадигмы — переход от электронного правительства к платформенной экосистеме, функционирующей на основе больших данных и искусственного интеллекта. Выше упоминалась подготовленная учеными Президентской академии (РАНХиГС) доктрина «Государство как платформа», следует указать также на аналогичный доклад «Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация», опубликованный Центром стратегического развития (практически теми же авторами)³⁹. Одним из наглядных образов стал концепт «Сервисное государство 2.0», представленный Минцифры России в 2018 г.⁴⁰ (в развитие федерального проекта «Цифровое государственное управление») и как раз включающий новые возможности цифровизации, обеспечивающие суперсервисы, цифровой профиль, единый фронт (бесшовность взаимодействия), единый транспорт, единую модель данных, единую платформу услуг и сервисов⁴¹.

Главным отличием GovTech стал переход к проактивному и автономному управлению (что отражается и в российском подходе «Сервисное государство 2.0»). Показательным символом может служить Сингапур, оформивший «гиперэффективную сервисность» как лозунг всех проводимых реформ:

³⁵ Fratini S., Pohle J., Di Marco D., Thabit Gonzalez S., Sgueo G. Digital Sovereignty as a Geopolitical Strategy — Navigating Dependencies, Power, and Democratic Resilience in a Changing Global Order, European Commission, Ispra, 2026, JRC146878. [Электронное издание]. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC146878> (дата обращения: 08.07.2026).

³⁶ Anand S., Donnelly S., Ehrenhard M., Nieuwenhuis L. J. M., Abhishta A. Digital sovereignty and the means to European digital security: identification of the goals related to digital sovereignty from legal texts published by the European Union. [Электронное издание] // European Security. 2026. P. 1–33. DOI: 10.1080/09662839.2026.2627905 (дата обращения: 08.07.2026).

³⁷ Falkner G., Heidebrecht S., Obendiek A., Seidl T. Digital sovereignty — Rhetoric and reality // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. No. 8. P. 2099–2120. DOI: 10.1080/13501763.2024.2358984

³⁸ Strengthening Europe's Tech Sovereignty. [Электронное издание]. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/eu-tech-sovereignty> (дата обращения: 08.07.2026).

³⁹ Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018. [Электронное издание]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9cccf0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 08.07.2026).

⁴⁰ Паршин М. В. Сервисное государство 2.0. [Электронное издание]. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/10/03_parshin.pdf (дата обращения: 08.07.2026).

⁴¹ Представлена концепция «Сервисного государства» версии 2.0. [Электронное издание]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/38530/> (дата обращения: 08.07.2026).

«Правительство-с-вами»⁴². Основа заключается в том, что каждый гражданин становится соучастником (партнером) управления, а не просто пассивным источником данных. Для этого создан новый концепт Smart Nation⁴³, а также краудсорсинговые платформы, где могут быть озвучены любые идеи для улучшения социальной жизни (с возможностью получить государственный грант). Алгоритмические модели в режиме реального времени осуществляют сбор информации о действиях каждого гражданина в цифровом пространстве, дают им юридическую оценку, выполняют социальные запросы⁴⁴. Происходит постоянная агрегация цифрового профиля жителя Сингапура в автоматическом режиме, при минимальном участии государственных служащих. Это обеспечивается функционированием всех ведомств на единой цифровой платформе Singapore Government Tech Stack (SGTS)⁴⁵. Условием функционирования системы выступает цифровая идентификация Singpass, которой пользуются 97 % всех граждан и резидентов 15 лет и старше, позволяющая сквозное использование государственных информационных ресурсов, доступ к услугам частного сектора (банкам, страховым организациям, больницам, провайдерам связи и т.д.)⁴⁶.

Сингапур реализует принцип однократного ввода данных (Once Only), мгновенно приводящего к обновлению всех информационных ресурсов. Создан цифровой двойник города (Virtual Singapore), объединяющий различные коммунальные данные: о городском трафике, потреблении энергии, погоде и демографии. Это позволяет моделировать экспериментальные решения, относящиеся к улучшению городской жизни, в виртуальной среде перед их реальным внедрением.

В Российской Федерации распоряжением Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р утверждена Концепция создания и функционирования единой цифровой платформы (ЕЦП) Российской Федерации «ГосТех». На базе ЕЦП предусматривается создание и функционирование иных платформ (государственных информационных систем). Положения о них утверждаются Правительством РФ, и их перечень уже внушителен. Однако реальное внедрение концепции «Сервисное государство 2.0» тормозится в силу отсутствия продвижения по другим значимым направлениям. Так, обязательное условие — создание цифрового профиля — невозможно без полного перехода на электронный документооборот и создания электронных удостоверений. Однако в 2022 г. глава Минцифры России объявил, что переход на электронные документы отложен на неопределенное время⁴⁷. Рабочая группа, курировавшая систему «Открытое правительство» (создана во исполнение указа Президента РФ от 08.02.2012 № 150), в 2018 г. была расформирована. Практически не функционирует портал открытых данных (<https://data.gov.ru/>). Необходимо создать «единый фронт», под которым понимается объединение всех официальных государственных сайтов, ведомственных порталов и мобильных приложений в общую, бесшовную экосистему для пользователя. В этой части ведомственная разобщенность является одним из ключевых факторов, в силу которых не достигнуты необходимые результаты. Следует поддержать инициативы Центра стратегических разработок и Минцифры России, обозначившие, что цифровизация публичных институтов — тупиковый путь, который может привести только к «цифровому бюрократизму», когда государственный служащий, перегруженный обязанностями по взаимодействию с внешними субъектами, использует новые технологии для создания дополнительных барьеров, которые могут облегчить его служебную деятельность. Именно поэтому необходима смена приоритетов и подходов: ведомственная цифровизация должна смениться единым стандартом платформизации, которая требует одновременно появления новых цифровых навыков у представителей государства и создания единого координационного центра, который возьмет на себя роль ключевого регулятора проводимых реформ.

⁴² Linders D. From e-government to we-government: Defining a typology for citizen coproduction in the age of social media // Government Information Quarterly. 2012. Vol. 29. No. 4. P. 446–454. DOI: 10.1016/j.giq.2012.06.003

⁴³ Hoe Siu Loon. Building a smart nation: Singapore's digital journey // Asian Research Policy. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 86–95.

⁴⁴ Sipahi E. B., Saayi Z. The world's first "Smart Nation" vision: the case of Singapore // Smart Cities and Regional Development (SCRD) Journal. 2024. Vol. 8. No. 1. P. 41–58. DOI: 10.25019/dvm98x09

⁴⁵ Chan C. H., Miller S. M. Creating the capacity for digital government // Asian Management Insights (Singapore Management University). 2023. Vol. 10. No. 1. P. 10–19.

⁴⁶ National Digital Identity and Government Data Sharing in Singapore. A Case Study of Singpass and APEX. International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2022. 69 p.

⁴⁷ Шадаев подтвердил перенос выдачи цифровых паспортов. ПМЭФ_2022. [Электронное издание]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2022/62abf38b9a79477b39ac1c27> (дата обращения: 08.07.2026).

В настоящее время в органах власти создана должность ответственного за цифровизацию (руководитель цифровой трансформации, РЦТ), изначально предлагалось (на уровне экспертных оценок) установить его прямое подчинение основному регулятору (Минцифры России) для предотвращения «ведомственного эгоизма». В итоге был принят компромиссный вариант: РЦТ находится в структуре органа, являясь заместителем руководителя, но типовой должностной регламент утверждается президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию (постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646). Требования к кандидатам также устанавливаются на уровне Правительственной комиссии, а Минцифры России проводит проверку. Далее Минцифры при назначении на должность осуществляет периодическую оценку соответствия уровню необходимой подготовки.

Выводы

Анализ российской и зарубежной практики показывает поступательный характер цифровой трансформации государственного управления. Она может проводиться различными темпами, что указывает лишь на внешнюю сторону преобразований. Конституционно-правовое измерение обязывает исследователей смещать фокус на выявление потенциальных угроз для традиционных институтов государства и права. Подобный подход позволит своевременно корректировать существующую политику, а в ряде случаев — предотвратить угрозы на стадии стратегического планирования реформ.

Обозначим системные риски.

1. Происходит скрытая деинституционализация государства. Во всех стратегических документах о цифровизации управления указывается на посредническую роль государства (в лице государственных служащих) между данными и гражданином (юридическими лицами). Платформизация государства минимизирует роль посредника (в ряде документов предлагается кардинальное решение — устранить роль посредника), что объективно приводит к главному аспекту — размыванию суверенной воли государства, утрачивающего монополию на управление обществом. Вводится даже специальный термин «дезинтермедияция»⁴⁸. Обратим внимание, что политические концепции⁴⁹ о конкурентной среде в регламентационном процессе разнообразны, суть зачастую сводится к значимому тезису: человечество привыкло жить в условиях государства, но это не единственная форма социального общежития (история знает и другие примеры). В любом случае меняется роль государства; формулируется политическое сомнение в его незаменимости как безальтернативного регулятора. Контуров последствий предопределяются в рамках текущего модернизационного этапа.

2. В условиях указанной тенденции основным конкурентом в управленческой монополии становятся частные компании, а с учетом формирования цифрового рынка — транснациональные IT-корпорации (Big Tech). К такому развитию событий с подменой регулятора пока не готовы ни общество, ни государство, ни право. На протяжении нескольких столетий вырабатывались механизмы защиты человека от давления со стороны государства, закрепляющие юридические гарантии прав и свобод от властного произвола, учитывающие национальную, культурную, религиозную специфику, что во многом предопределило появление современных правовых семей. Господство BigTech основано на универсализме и технологическом единообразии, что уже сейчас вызывает определенное сопротивление. Концепция цифрового суверенитета — одна из форм противостояния и отстаивания индивидуальности (правовой идентичности) в глобальном информационном обществе.

3. Фундаментальный вызов аллократии скрывается в радикальном «вымывании» человека из пространства публично-правовых отношений. Государство и общество всегда строились на межличностном взаимодействии, что подкреплялось соответствующими правовыми институтами. В приведенном аспекте совершенствование законодательства строилось на основе базовой цели — придать этому контакту

⁴⁸ Shoemaker E. Digital Transformation Government: Strengthening or Disintermediating Democracy and Local Governance: A Citizen-State Relationship Analysis. 2026. [Электронное издание]. URL: <https://www.graduateinstitute.ch/other-programmes/digital-transformation-government-strengthening-or-disintermediating-democracy-and> (дата обращения: 08.07.2026).

⁴⁹ См.: van Creveld M. The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 436 p.; De Jasay A. The State. Indianapolis: Liberty Fund, 1998. 238 p.

конструктивный характер, что обеспечивалось благодаря борьбе с коррупцией, минимизации чиновничьего произвола, пресечению дискриминации и защите уязвимых категорий граждан. Уже сейчас цифровая трансформация устраняет человека из привычной модели, причем приобретает двусторонний характер: государство использует алгоритмические платформы, а гражданин — персональных ИИ-ассистентов и цифровых двойников. В условиях диалога искусственных интеллектов неясна роль самого человека. Кризис антропоцентризма приобретает совершенно иной характер: создан конкурент не только государству, но и самому человеку, причем превосходящий человека по многим социальным возможностям (особенно в условиях функционирования глобального информационного общества). Не будем делать катастрофический прогноз, но необходимо продумать гарантии от полной утраты человеческой субъектности.

Приведенные риски не являются фатальным тупиком; не стоит следовать логике изоляции от технологий. В современном мире это неконструктивно и абсолютно неэффективно. Поддержим новый подход, основанный на кооперации, которая часто проявляется в различных сферах. В качестве примеров можно привести: внедрение коботов (коллаборативных роботов, действующих в сотворчестве с человеком) в промышленные отрасли, формирование парадигмы «Медицина 5.0», основанной на постоянном взаимодействии врача, ИИ-ассистента и пациента; в управлении — цифровые ко-пилоты (Co-pilots), берущие на себя генерацию вариантов решений, причем итоговое выбирает исключительно человек. Все эти примеры показывают позитивную синергию человека и алгоритмических моделей, что не подменяет субъектность Homo Sapiens, а даже усиливает запрос на человечность, востребованность именно тех качеств, которые не сможет имитировать машина. Образ будущего определен в единой концепции «Общество 5.0», которая обусловило появление «Индустрии 5.0». В зарубежных стратегиях формулирование происходит с помощью термина Super Smart Society (дословно «суперумное общество»), в котором заключается объединение цифрового и реального, искусственного интеллекта и естественного интеллекта, робота и человека. Человекоцентричность в управлении достигается благодаря закреплению принципа «со-управления» (human-in-the-loop; дословный перевод — «человек в контуре»). По большинству указанных аспектов «право запаздывает», и это международный тренд, однако он не должен служить индульгенцией для пассивности юридической науки.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России как фундамент борьбы с коррупцией // Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / С. А. Авакьян, И. П. Кененова, А. С. Ковлер и др.; отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Авакьян. Москва: Юстицинформ, 2016. С. 12–75.
2. Бачило И. Л., Копылов В. А., Брусницын Н. А. и др. О концепции правового обеспечения информатизации России // Законодательные проблемы информатизации общества. Москва: Изд-во ВНИИСЗ, 1992. С. 4–18.
3. Бачило И. Л. Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 3–11. DOI: 10.17323/2072-8166.2010.1.3.11 EDN: MBGKCSX
4. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. 4-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
5. Гао Цици. Построение национального суверенитета в условиях цифровой революции (高奇琦. 数字革命中国国家主权的建构). [Электронный ресурс]. URL: https://theory.gmw.cn/2021-12/26/content_35406869.htm (дата обращения: 08.07.2026).
6. Государство как платформа: Люди и технологии / под ред. М. С. Шклярчук. Москва: РАНХиГС, 2019. 111 с.
7. Исаев И. А. Легальность и бюрократия // История государства и права. 2014. № 20. С. 3–8. EDN: SYMFKP

8. *Крусс В. И.* Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 59–70. EDN: SDBRFP
9. *Кузнецов П. У.* Административная реформа в контексте формирования электронного правительства: терминологические проблемы // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 37–47. EDN: OZEUDX
10. *Лопатин В. Н.* Защита права на неприкосновенность частной жизни // Журнал российского права. 1999. № 1. С. 85–98.
11. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. Москва: ИРИСЭН, 2008. 424 с.
12. *Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А.* Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М., 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 08.07.2026).
13. *Романовская О. В.* Конституция России и фронтолиз государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 22–25. EDN: ZGWIQR
14. *Таболин В. В.* Междисциплинарная система общественных отношений как предмет современного городского права // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 63–66. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-5-63-66 EDN: HMPTKV
15. *Талапина Э. В.* Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 164–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.164.184 EDN: CELMZX
16. *Чжао Фэн, Хэ Лилун.* Регулирование и руководство здоровым развитием капитала на интернет-платформах (赵峰, 贺立龙. 规范和引导互联网平台资本健康发展). [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.com.cn/opinion/theory/2022-05/10/content_78209307.htm (дата обращения: 08.07.2026).
17. *Шевердяев С. Н.* Правовое сопровождение развития электронного правительства в России: новые идеалы и старые проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 11. С. 30–36. EDN: KRRSTN
18. *Anand S., Donnelly S., Ehrenhard M., Nieuwenhuis L. J. M., Abhishta A.* Digital sovereignty and the means to European digital security: identification of the goals related to digital sovereignty from legal texts published by the European Union // European Security. 2026. Pp. 1–33. DOI: 10.1080/09662839.2026.2627905
19. *Bellanger P.* De la souveraineté numérique // Le Débat. 2012. Vol. 170. No. 3. Pp. 149–159. DOI: 10.3917/deba.170.0149
20. *Bellanger P.* Souveraineté numérique et ordre public // Archives de philosophie du droit. 2015. Vol. 58. No. 1. Pp. 285–296.
21. *Bellanger P.* Internet: de L’Aquarium à L’Océan // Les cahiers de l’audiovisuel. 1997. No. 12. Pp. 88–101.
22. *Benhamou B.* Souveraineté Numérique. Quelles stratégies pour la France et l’Europe? // Comprendre la souveraineté numérique. 2020. No. 415. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.souverainetenumerique.fr/article-souverainet%C3%A9-num%C3%A9rique-queelles-strat%C3%A9gies-pour-la-france-et-leurope> (дата обращения: 08.07.2026).
23. *Bômont C.* La «souveraineté numérique», pilier et défi pour la construction du cloud défense français // Revue Défense Nationale. 2025. No. 878. Pp. 81–87.
24. *Chan C. H., Miller S. M.* Creating the capacity for digital government // Asian Management Insights (Singapore Management University). 2023. Vol. 10. No. 1. Pp. 10–19.
25. *De Jasay A.* The State. Indianapolis: Liberty Fund, 1998. 238 p.
26. *Dener C., Nii-Aponsah H., Ghunney L. E., Johns K. D.* GovTech Maturity Index : The State of Public Sector Digital Transformation (English). International Development in Focus. Washington, D.C.: World Bank Group. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/298661631773566870/GovTech-Maturity-Index-The-State-of-Public-Sector-Digital-Transformation> (дата обращения: 08.07.2026).
27. *Falkner G., Heidebrecht S., Obendiek A., Seidl T.* Digital sovereignty — Rhetoric and reality // Journal of European Public Policy. 2024. Vol. 31. No. 8. Pp. 2099–2120. DOI: 10.1080/13501763.2024.2358984

28. *Fratini S., Pohle J., Di Marco D., Thabit Gonzalez S., Squeo G.* Digital Sovereignty as a Geopolitical Strategy — Navigating Dependencies, Power, and Democratic Resilience in a Changing Global Order, European Commission, Ispra, 2026, JRC146878. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC146878> (дата обращения: 08.07.2026).
29. *Hoe Siu Loon.* Building a smart nation: Singapore's digital journey // *Asian Research Policy*. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 86–95.
30. *Linders D.* From e-government to we-government: Defining a typology for citizen coproduction in the age of social media // *Government Information Quarterly*. 2012. Vol. 29. No. 4. Pp. 446–454. DOI: 10.1016/j.giq.2012.06.003
31. *Liu Y., Song W.* Navigating digital colonialism: Sovereignty models and development paths in the Global South // *Social Sciences & Humanities Open*. 2026. Vol. 13 Art. 102546. DOI: 10.1016/j.ssaho.2026.102546
32. *Loveluck B.* Souveraineté numérique et concurrence des régimes politiques : origines et perspectives // *Constitutionnalisme numérique et approches critiques en droit et technologie*. 2025. No. 47. [Электронный ресурс]. URL: <https://revuedlf.com/droit-international/souverainete-numerique-et-concurrence-des-regimes-politiques-origines-et-perspectives/> (дата обращения: 08.07.2026).
33. *Nock A. J.* *Memoirs of a Superfluous Man*. New York, 1943. 326 p.
34. *Pierucci F.* Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace // *Digital Society*. 2025. Vol. 4, article number 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4
35. *Rothbard Murray N.* *For a New Liberty: The Libertarian Manifesto*. Auburn, AL : Ludwig von Mises Institute, 2006. 398 p.
36. *Shoemaker E.* Digital Transformation Government: Strengthening Or Disintermediating Democracy And Local Governance: A Citizen-State Relationship Analysis. 2026. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.graduateinstitute.ch/other-programmes/digital-transformation-government-strengthening-or-disintermediating-democracy-and> (дата обращения: 08.07.2026).
37. *Sipahi E. B., Saayi Z.* The world's first “Smart Nation” vision: the case of Singapore // *Smart Cities and Regional Development (SCRD) Journal*. 2024. Vol. 8. No. 1. Pp. 41–58. DOI: 10.25019/dvm98x09
38. *Türk P., Vassar Ch. (dir.)* *La souveraineté numérique. Le concept, les enjeux*. Paris: Maré & Martin, 2018. 239 p.
39. *van Creveld M.* *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 436 p.

Об авторе:

Романовская Ольга Валентиновна, главный научный сотрудник, Пензенский государственный университет, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований (Пенза, Российская Федерация); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Средне-Волжский институт (филиал) в г. Саранске (Саранск, Российская Федерация); доктор юридических наук, профессор; ORCID: 0000-0002-4563-1725; e-mail: vlad93@sura.ru

References

1. Avakyan, S. A. (2016) Constitutional Law of Russia as a Foundation for the Fight against Corruption. In: *Combating Corruption: Constitutional and Legal Approaches*: collective monograph / S. A. Avakyan, I. P. Kenenova, A. S. Kovler et al.; responsible ed. and head of the authors' col. S. A. Avakyan. Moscow: Yustitsinform. Pp. 12–75. (In Russ.).
2. Bachilo, I. L., Kopylov, V. A., Brusnitsyn, N. A., Kurilo, A. P. (1992) On the Concept of Legal Support for the Informatization of Russia. In: *Legislative Problems of the Informatization of Society*. Moscow: All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation Publishing House, Pp. 4–18. (In Russ.).
3. Bachilo, I. L. (2010) Social or Service State? (Information and Legal Aspect) *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 1. Pp. 3–11. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2010.1.3.11

4. Weber, M. (2017) *Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. 4th ed. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 656 p. (In Russ.).
5. Gao Qiqi (2021) *Building National Sovereignty in the Context of the Digital Revolution*. URL: https://theory.gmw.cn/2021-12/26/content_35406869.htm (In Chinese).
6. Shklyaruk, M. S. (ed.) (2019) *The State as a Platform: People and Technologies*. Moscow: RANEPa, 2019. 111 p. (In Russ.).
7. Isaev, I. A. (2014) Legality and Bureaucracy. *History of the State and Law*. No. 20. Pp. 3–8. (In Russ.).
8. Kruss, V. I. (2014) Public Services in the Context of Russian Constitutionalization. *Constitutional and Municipal Law*. No. 5. Pp. 59–70. (In Russ.).
9. Kuznetsov, P. U. (2012) Administrative Reform in the Context of the Formation of E-Government: Terminological Issues. *Russian Law Journal*. No. 3. Pp. 37–47. (In Russ.).
10. Lopatin, V. N. (1999) Protection of the Right to Privacy. *Journal of Russian Law*. No. 1. Pp. 85–98. (In Russ.).
11. Nozik, R. (2008) *Anarchy, State, and Utopia*. Moscow: IRISEN, 424 p. (In Russ.).
12. Petrov, M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. (2018) *The State as a Platform. (Cyber)State for the Digital Economy. Digital Transformation*. Moscow. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccefd0db1eecd56071b98f5f.pdf> (In Russ.).
13. Romanovskaya, O. V. (2017) The Constitution of Russia and the Frontolysis of State Power. *Constitutional and Municipal Law*. No. 9. Pp. 22–25. EDN: ZGWIQR (In Russ.).
14. Tabolin, V. V. (2020) Interdisciplinary System of Public Relations as a Subject of Modern Urban Law. *Constitutional and Municipal Law*. No. 5. Pp. 63–66. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3767-2020-5-63-66
15. Talapina, E. V. (2019) Digital Transformation in France: Legal Innovations. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 4. Pp. 164–184. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2019.4.164.184
16. Zhao Feng, He Lilong (2022) *Regulation and Guidance for the Healthy Development of Capital on Internet Platforms*. URL: http://www.china.com.cn/opinion/theory/2022-05/10/content_78209307.htm (In Chinese).
17. Sheverdyayev, S. N. (2008) Legal Support for the Development of E-Government in Russia: New Ideals and Old Problems. *State Power and Local Self-Government*. No. 11. Pp. 30–36. (In Russ.).
18. Anand, S., Donnelly, S., Ehrenhard, M., Nieuwenhuis, L. J. M., Abhishta, A. (2026) Digital sovereignty and the means to European digital security: identification of the goals related to digital sovereignty from legal texts published by the European Union. *European Security*. Pp. 1–33. DOI: 10.1080/09662839.2026.2627905
19. Bellanger, P. (2012) On digital sovereignty. *Le Débat*. Vol. 170. No. 3. Pp. 149–159. DOI: 10.3917/deba.170.0149 (In French).
20. Bellanger, P. (2015) Digital sovereignty and public order. *Archives de philosophie du droit*. Vol. 58. No. 1. Pp. 285–296. (In French).
21. Bellanger, P. (1997) Internet: From the Aquarium to the Ocean. *Les cahiers de l'audiovisuel*. No. 12. Pp. 88–101. (In French).
22. Benhamou, B. (2020) Digital Sovereignty. What Strategies for France and Europe? *Understanding Digital Sovereignty*. No. 415. URL: <http://www.souverainetenumerique.fr/article-souverainet%C3%A9-num%C3%A9rique-queles-strat%C3%A9gies-pour-la-france-et-leurope/> (In French).
23. Bômout, C. (2025) “Digital sovereignty,” a pillar and challenge for building the French defense cloud. *Revue Défense Nationale*. No. 878. Pp. 81–87. (In French).
24. Chan, C. H., Miller, S. M. (2023) Creating the capacity for digital government. *Asian Management Insights (Singapore Management University)*. Vol. 10. No. 1. Pp. 10–19.
25. De Jasay, A. (1998) *The State*. Indianapolis: Liberty Fund. 238 p.
26. Dener, C., Nii-Aponsah, H., Ghunney, L. E., Johns, K. D. (2021) *GovTech Maturity Index: The State of Public Sector Digital Transformation (English)*. *International Development in Focus*. Washington, D. C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/298661631773566870/GovTech-Maturity-Index-The-State-of-Public-Sector-Digital-Transformation>
27. Falkner, G., Heidebrecht, S., Obendiek, A., Seidl, T. (2024) Digital sovereignty – Rhetoric and reality. *Journal of European Public Policy*. Vol. 31. No. 8. Pp. 2099–2120. DOI: 10.1080/13501763.2024.2358984

28. Fratini, S., Pohle, J., Di Marco, D., Thabit Gonzalez, S., Sgueo, G. (2026) Digital Sovereignty as a Geopolitical Strategy — Navigating Dependencies, Power, and Democratic Resilience in a Changing Global Order, European Commission, Ispra, JRC146878. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC146878>
29. Hoe Siu Loon. (2018) Building a smart nation: Singapore's digital journey. *Asian Research Policy*. Vol. 9. No. 1. Pp. 86–95.
30. Linders, D. (2012) From e-government to we-government: Defining a typology for citizen coproduction in the age of social media. *Government Information Quarterly*. Vol. 29. No. 4. Pp. 446–454. DOI: 10.1016/j.giq.2012.06.003
31. Liu, Y., Song, W. (2026) Navigating digital colonialism: Sovereignty models and development paths in the Global South. *Social Sciences & Humanities Open*. Vol. 13, 102546. DOI: 10.1016/j.ssaho.2026.102546
32. Loveluck, B. (2025) Digital sovereignty and competition between political regimes: origins and perspectives. *Digital constitutionalism and critical approaches in law and technology*. No. 47. URL: <https://revuedlf.com/droit-international/souverainete-numerique-et-concurrence-des-regimes-politiques-origines-et-perspectives/> (In French).
33. Nock, A. J. (1943) *Memoirs of a Superfluous Man*. New York. 326 p.
34. Pierucci, F. (2025) Sovereignty in the Digital Era: Rethinking Territoriality and Governance in Cyberspace. *Digital Society*. Vol. 4. Item number 27. DOI: 10.1007/s44206-025-00189-4
35. Rothbard Murray, N. (2006) *For a New Liberty: The Libertarian Manifesto*. 398 p.
36. Shoemaker, E. (2026) *Digital Transformation Government: Strengthening Or Disintermediating Democracy And Local Governance: A Citizen-State Relationship Analysis*. URL: <https://www.graduateinstitute.ch/other-programmes/digital-transformation-government-strengthening-or-disintermediating-democracy-and>
37. Sipahi, E. B., Saayi, Z. (2024) The world's first "Smart Nation" vision: the case of Singapore. *Smart Cities and Regional Development (SCRD) Journal*. Vol. 8. No. 1. Pp. 41–58. DOI: 10.25019/dvm98x09
38. Tûrk, P., Vassar, Ch. (dir.) (2018) *Digital sovereignty. The concept, the issues*. Paris : Maré & Martin. 239 p. (In French).
39. van Creveld, M. (1999) *The Rise and Decline of the State*. Cambridge : Cambridge University Press. 436 p.

About the author:

Olga V. Romanovskaya, Chief Researcher at the Research Institute of Fundamental and Applied Research, Penza State University (Penza, Russian Federation); Professor at the Department of State and Legal Disciplines, The All-Russian State University of Justice (The Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Mid-Volga Institute (Branch) (Saransk, Russian Federation); Doctor of Law, Professor; ORCID: 0000-0002-4563-1725; e-mail: vlad93@sura.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.